

Синий Юй

— Бэй-Бэй, ты точно справишься с зачислением в одиночку? Может, всё-таки попросить папиного помощника поехать с тобой...

— Мам, правда не нужно.

Разговаривая по телефону, юноша остановился и слегка приподнял поля кепки:

— Я на месте, больше не буду болтать, сбрасываю.

Перед ним возвышалось здание школы. Как раз начался большой перерыв, и на зелёном поле по другую сторону железной ограды резвилась группа школьников, гонявших мяч под палящим солнцем середины сентября.

Первая средняя школа Яньхэ.

Эти несколько крупных иероглифов красовались над главными воротами школы. Юноша лишь бегло окинул их взглядом и, не задерживаясь ни на секунду, уверенно шагнул внутрь.

— Новый ученик?

Вахтёр выглянул из окошка на юношу, чьи брови и глаза были скрыты под чёрной бейсболкой, открывая лишь половину красивого профиля, и достал рабочий блокнот. — Как зовут?

— Цзянь Лобэй.

— Подожди-ка, сейчас поищу.

Записи в блокноте пестрели размашистым, летящим почерком — пожалуй, даже самому хозяйшке пришлось бы повозиться, выискивая нужную строчку. Видя, что вахтёру приходится нелегко, Цзянь Лобэй чуть сместил поля кепки, взял из его рук блокнот, бросил взгляд на страницы и ткнул пальцем:

— Вот здесь.

— Шестнадцатое сентября, первая половина дня. В школу прибудет родитель с переводным учеником, пропустить на территорию. Имя ученика: Цзянь Лобэй...

Прочитав, вахтёр расхохотался:

— Надо же так написать! Точно, именно здесь!

— Давай-ка распишись.

Протянув ему ручку и журнал регистрации посетителей, вахтёр вдруг запоздало сообразил, что что-то упустил, и озадаченно протянул:

— ...Стой-ка, а почему ты пришёл совсем один?

С этими словами он вытянул шею и заглянул за спину юноше. Убедившись, что там действительно больше никого нет, мужчина невольно нахмурился.

— А где твои родители? Почему не сопровождают?

Цзянь Лобэй взял ручку и, даже не поднимая головы, скупно бросил одно слово:

— Заняты.

— Насколько же заняты? Такое важное дело, как родители могли...

Слова с упрёком в адрес безответственных родителей едва не сорвались с языка, но, подумав, вахтёр сообразил: мальчику сейчас, должно быть, и без того паршиво на душе, а если он такое ляпнет, не получится ли, что он сыплет соль на рану? Мужчина поспешно замолк и украдкой покосился на виновника сцены, выжидая его реакцию.

У виновника не было никакой реакции. Заполнив бланк, он протянул его обратно вахтёру, поднял на него взгляд, и в его тоне прозвучала неуловимая дерзость:

— Я расписался, можно проходить?

Из-за этого движения вахтёр наконец смог разглядеть его лицо.

Под полями кепки скрывались тонкие, почти изящные брови и разрез глаз, во взгляде же читались лёгкое высокомерие и холодное равнодушие. Тонкие губы были слегка сжаты, брови — хмуро сведены. Казалось, настроение у него было скверное, на душе скребли кошки, но именно эта мимолётная мимика придавала его отрешенности особую, свойственную юности горячность.

В конце концов, он ещё ребёнок.

Вахтёр взял бланк, машинально опустил взгляд на строчки, прищурился, и выражение его лица постепенно стало весьма красноречивым.

Даже считая себя знатоком изящного и свободного стиля скорописи, он всё же не мог не отдать должное от всего сердца, глядя на те извилистые, стремящиеся в самые небеса каракули, что красовались на бумаге.

Неудивительно, что этот парень с первого взгляда узнал его собственный почерк.

— ...Ладно, проходи в школу. Внутри найдёшь завуча или своего нового классного руководителя.

— А, спасибо.

Цзянь Лобэй поправил лямку рюкзака на плече и перед тем как развернуться, не забыл поблагодарить.

Проводив взглядом удаляющуюся фигуру, вахтёр отпил из кружки чай с ягодами годжи:

— Дерзкий, почерк ужасный, но хотя бы вежливый.

Войдя на территорию Первой школы, Цзянь Лобэй пошёл по аллее, обсаженной платанами.

Солнечный свет просачивался сквозь густую листву над головой, ложась на асфальт пестрыми, рваными пятнами. Когда налетал редкий прохладный ветерок, листья платанов шевелились, и световые узоры следовали за ними.

Цзянь Лобэй снял кепку и взъерошил растрёпанные волосы. Солнечные блики упали на его больше ничем не прикрытые брови и глаза, густые длинные ресцы непривычно затрепетали, а затем между зубов вырвался неожиданный, резкий цыкающий звук.

— Тц.

Он был не в духе, и это раздражение преследовало его с самого возвращения в Яньчэн вчерашним днем.

Впрочем, злился он вовсе не из-за того, что родители не поехали с ним на зачисление, хотя в чём именно крылась причина, он и сам толком не мог объяснить.

Может быть, всё дело в том, что пришлось внезапно бросить школу, переехать и снова переводиться; а может, в том, что он провёл в дороге всю ночь и толком не выспался в машине; или же в том, что еще вчера он спокойно учился в другом городе за шестьсот с лишним километров отсюда, а сегодня уже вернулся сюда.

Совсем как четыре года назад: тихо уехать или вернуться без всякого предупреждения — в любом случае приятного мало.

Конечно, свою роль наверняка сыграли и родители, для которых их проклятые эксперименты были важнее собственного сына.

Эти двое сутками пропадали в лаборатории, доводя себя до изнеможения, и то, что им было некогда заниматься его воспитанием — полбеды. Но оба раза Цзянь Лобэю приходилось волей-неволей подчиняться их переездам, которые неизменно рушили его планы и ломали то, чем он дорожил.

Особенно та история четырёхлетней давности...

При одной этой мысли в голове Цзянь Лобэя всё смешалось в один глухой клубок, и он решил больше об этом не думать. Цепляя длинными пальцами бейсболку, он бесцельно брёл по школьному двору, как вдруг сбоку взметнулась тень, чиркнув по краю его одежды. Кепка

сорвалась с головы и упала на землю, а сама тень, встретив препятствие, откатилась в сторону.

Это был грязный футбольный мяч.

Цзянь Лобэй бросил взгляд на мяч, опустил глаза на испачканную одежду, а затем холодно уставился на виновника происшествия, который спешно бежал к нему со стороны спортивной площадки.

Мало того что едва не угодил человеку в голову, так ещё и испортил отличную белую футболку, оставив на ней грязное пятно. Прибежавший запыхавшийся парень рассыпался в извинениях:

— Слушай, приятель, тысяча извинений! Ты не ушибся?

На площадке неподалёку человек семь с любопытством вытягивали шеи в их сторону. Именно эту компанию Цзянь Лобэй видел у ворот играющими в футбол под палящим солнцем — включая того парня, что стоял перед ним, все они покрылись градом ярких, блестящих капель пота.

И не боятся же теплового удара.

— Разве что самую малость, — Цзянь Лобэй отвёл взгляд и стряхнул пыль с одежды. То ли хваля, то ли подшучивая, он добавил: — Удар у тебя поставленный.

Приняв это за похлебку, парень хмыкнул, поднял мяч и лишь теперь заметил, что этот счастливчик одет вовсе не в форму их Первой школы. Умственные процессы отразились на его лице, и взгляд, устремлённый на Цзянь Лобэя, начал стремительно меняться.

— Стой... приятель, ты случаем не новенький, только сегодня перевёлся в Первую школу?

Цзянь Лобэй наклонился, поднял кепку и коротко бросил:

— Угу.

Услышав подтверждение, парень заговорил странным тоном:

— В каком классе? Кто классный руководитель?

— Вроде бы во втором восьмом, классный руководитель по фамилии Хэ. — Цзянь Лобэй посмотрел на него: — К чему столько вопросов?

— ...Да ни к чему, — парень нахмурился, отводя глаза в сторону, и забормотал под нос: — И правда, не зря говорят — тесные дорожки у недругов.

Э?

Даже несмотря на то, что собеседник старался говорить тихо, острый слух Цзянь Лобэя уловил

каждое слово. Он снова с ног до головы окинул парня взглядом, убедившись, что они точно незнакомы, и уже собирался спротивить, что тот имеет в виду, как его прервал оклик с другого конца спортплощадки:

— Староста, чего мяч не носишь?

Оказалось, перед ним стоял староста класса. Тот крикнул что-то в ответ товарищам, а затем повернулся к Цзянь Лобэю:

— Послушай, постой здесь пару минут, я сейчас отведу тебя к нашему старику Хэ.

С этими словами он зажал мяч под мышкой и побежал обратно к полю.

— Чжан Вэньчжэ, ты кого-то покалечил? Чего у тебя такое лицо?

Чжан Вэньчжэ покачал головой, указал на стройную фигуру под кроной платана и с неописуемым выражением лица произвел:

— Угадайте, кто это был? Представляете, это наш новый переводной ученик!

— Старик Хэ поставил ту свободную парту как раз между моим местом и местом Цяо-гэ!

— А? Ха-ха-ха! — компания явно уловила совсем не тот смысл и покатилась со смеху. — Так наш староста взъелся лишь потому, что старик Хэ разлучил его со школьным красавчиком? Неудивительно, что ты сегодня так рвал на поле!

— Тц, надоели, больше с вами не играю! — Чжан Вэньчжэ швырнул мяч в грудь насмехавшемуся однокласснику. — Пойду-ка я представлю старику Хэ третьего лишнего, который разрушил мои отношения с Цяо-гэ!

— Ещё и третий лишний! Ха-ха-ха-ха...

В это время Цзянь Лобэй откровенно скучал. Понятия не имея, что именно староста наговорил остальным, он заметил лишь, что те переглянулись и покатились со смеху, а самый громкий из них даже замахал рукой, привлекая его внимание:

— Эй, новенький!

Цзянь Лобэй тоже тронул уголками губ и вежливо помахал в ответ.

Чжан Вэньчжэ вернулся довольно быстро. Коротко представившись для приличия, он повёл Цзянь Лобэя через спортивную площадку по направлению к учебному корпусу.

Всю дорогу они почти не разговаривали. Лишь приближаясь к учительской, Чжан Вэньчжэ наконец не выдержал, оглянулся на Цзянь Лобэя, и на его лице застыло такое выражение, будто какой-то невероятно сложный вопрос мучил его всё это время.

— Ты правда совсем не знаешь моего Цяо-гэ?

Цзянь Лобэй потратил пару секунд на поиски в памяти, а затем предельно честно покачал головой:

— Не знаю.

— Чудеса какие-то, — нахмурился Чжан Вэньчжэ, совершенно сбитый с толку. — Мы с Цяо-гэ сидим вместе больше года, и нас ни разу не рассаживали. Раз вы не знакомы, с чего это старику Хэ приспичило усаживать тебя именно рядом с ним? Да ещё и говорил он...

Слушая его бормотание, Цзянь Лобэй вспомнил утренние слова родителей:

— В новой школе всё устроено, твой классный руководитель носит фамилию Хэ, человек он передовой и ответственный, к тому же новым одноклассником станет твой старый друг, Бэй-Бэй...

Какой ещё старый друг? С каких это пор у него завёлся знакомый по фамилии Цяо?

— Всего лишь парты, в конце концов, если что, потом попрошу поменяться обратно, — небрежно прервал бормотание Чжан Вэньчжэ Цзянь Лобэй и, приподняв подбородок, кивнул вперёд: — Учитель Хэ в том кабинете?

Неожиданная смена темы на полсекунды заставила Чжан Вэньчжэ зависнуть. Он кивнул, и тут же рука его отяжелела: опустив глаза, он увидел, что Цзянь Лобэй сунул ему свою кепку.

Пока парень приходил в себя, собеседник уже проскользнул в учительскую, оставив после себя лишь непринуждённый силуэт. Уходя, он бросил через плечо небрежное:

— Выручай, староста, поддержи пока. Я быстро.

Чжан Вэньчжэ: ?

В учительской сидело двое или трое преподавателей, все были заняты проверкой тетрадей. Услышав шаги, они дружно подняли головы. Один из них, седовласый мужчина в очках в чёрной оправе, выглядевший весьма интеллигентно, заметив Цзянь Лобэя, приветливо улыбнулся и жестом подозвал его к себе. На его лице не было ни тени удивления по поводу того, что мальчик пришел на зачисление один — судя по всему, родители заранее предупредили его.

— Ты ученик Цзянь, верно? Здравствуй, я Хэ Синьцзянь, твой будущий классный руководитель.

Он протянул Цзянь Лобэю правую руку, словно приглашая старого знакомого, излучая мягкость и доброжелательность. Неудивительно, что банда Чжан Вэньчжэ называла его просто стариком Хэ.

Цзянь Лобэй чуть приподнял бровь и пожал протянутую руку:

— Здравствуйте, Цзянь Лобэй.

Поскольку Хэ Синьцзянь был заранее осведомлен об обстоятельствах новичка, он сразу перешел к сути дела, кратко объяснив распорядок дня в Первой школе, время утренней и вечерней самоподготовки, а затем плавно перешел к учебной программе.

Взглянув на школьную ведомость, где юноша почти неизменно занимал первое место по параллели, он улыбнулся:

— У Цзянь Лобэй прекрасные оценки. Но всё же программы в разных провинциях отличаются, так что уровень сложности и темп обучения в нашей Первой школе будут несколько отличаться от твоей прежней школы.

Цзянь Лобэй кивнул, не выражая особого согласия или возражения. Прожив в этих краях добрый десяток лет, он прекрасно знал разницу в обучении между Яньхэ и Наньчэном, к тому же Яньчэн славился как регион с жесточайшей конкуренцией на вступительных экзаменах в вузы.

Но самого Цзянь Лобэй это мало волновало. Если он мог получить по математике 150 баллов, то лишь потому, что максимум составлял ровно 150, и никакой разницы не существовало.

Старик Хэ продолжал:

— Именно поэтому учитель решил посадить Цзянь Лобэй рядом с Цяо Си. Цяо Си — один из лучших учеников нашего класса, активист школьного совета и очень отзывчивый парень. Если в дальнейшем возникнут вопросы, смело обращай к нему...

— Что?

Совершенно неожиданно при звуке этого имени ученик отреагировал с чрезмерной резкостью, перебив учителя, а его обычный ленивый тон неумовимо изменился:

— Цяо Си?

Увидев, что невозмутимый доселе новичок вмиг переменился в лице, нахмурившись с видом полного неверия, учитель Хэ озадаченно кивнул:

— Верно. Разве Цзянь Лобэй с ним не знаком?

...Так вот кто был тем старым другом, о котором упоминала матушка.

— Знаком, как не знать.

Цзянь Лобэй прижался кончиком языка к зубам и цокнул.

Знаком — это мягко сказано.